

Дискуссии и обсуждения

ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕХОДА ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА К ФЕОДАЛИЗМУ

Ю. А. Кизилов

Проблема особенностей перехода восточного славянства от доклассового строя к классовому была поставлена еще в дореволюционной историографии, особенно в исследованиях последней трети XIX в. в связи с распространением сравнительно-исторического метода и разработкой социально-экономической проблематики. Признавая значительную роль и широкое распространение в хозяйственной жизни восточного славянства близких к рабству форм холоповладения, большинство дореволюционных историков не видели, однако, в силу специфики «хозяйственного быта» славянства¹ условий для превращения этих форм в рабство восточного или античного типа. «Раб есть не более как раб,— писал, например, А. А. Спицын.— Он хорош для широко поставленных хозяйств или промышленных предприятий, в качестве дворового слуги, землепашца, пастуха и рабочего; ничего большего и иного он не может дать. Но южная Россия не имела в ту пору большого хлебного экспорта, обширных промышленных мастерских, а в большом количестве слуг тогдашний простой городской быт не нуждался. Это отнюдь не Рим, не Багдад, не Царьград, не Сарай... Челядин был нужен, но собственно как замена личного земледельческого труда, да и тут старались, по-видимому, обойтись без рабов, привлечением свободных людей... Закупы или «ролейные наймиты» были несравненно удобнее рабов уже потому, что не требовали непрерывного и непосредственного надзора... Рабовладение было, без сомнения, весьма развито в Киеве, но как промысел. Рабы имели превосходный сбыт за границу, в Грецию и на восток, и добывались всевозможными средствами»².

Особенности классового образования в восточнославянском обществе уже с 20-х годов заняли одно из центральных мест в советской историографии. Исследователи находили все новые и новые подтверждения феодального характера Древнерусского государства, но в свете догматически понимаемой марксистско-ленинской теории исторического процесса не могли соотносить установленные ими факты с известной последовательностью общественных формаций в истории человечества, взятой в целом. Ряд ученых (С. Н. Быковский, Н. М. Мартынов, С. Н. Чернов, В. В. Мавродин, И. И. Смирнов и др.) утверждали, что Древнерусское

¹ См. Н. Хлебников. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб. 1872, стр. 34, 228—229, 251; Д. Я. Самоковцов. Древнее русское право. М. 1903, стр. 194; Н. А. Рожков. Город и деревня в русской истории. М. 1920, стр. 15 и сл.; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. 1. М. 1959, стр. 103—104.

² А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания. «Журнал министерства народного просвещения». Кн. 1. СПб. 1909, стр. 92—94.

государство имело рабовладельческий характер и лишь кризис рабовладения трансформировал его в феодальное³. Другая часть историков считала, что феодализм мог развиваться «нормально» лишь там, где ему предшествовал развитой рабовладельческий способ производства, миновать который тот или иной народ мог лишь в силу внешнего воздействия со стороны обществ, уже вступивших на путь феодализма. Применительно к истории восточного славянства эта концепция впервые была предложена в начале 30-х годов И. Г. Пригожиным и детализирована в работах С. П. Толстова, Б. Д. Грекова и А. В. Мишулина. В последнее время в значительно переработанном виде она стала основой концепции «феодального синтеза» Б. Ф. Поршнева⁴. Положительной стороной этой концепции было признание единства закономерностей становления феодальных отношений у восточных славян и народов Западной Европы. Такая точка зрения больше считалась с условиями конкретного развития Восточной Европы, но она могла быть распространена лишь на юг Русской равнины, где уже в первые века н. э. имело место осязаемое социально-культурное влияние развитых народов Средиземноморья. Что касается лесного и заболоченного Севера, почти не имевшего контактов с рабовладельческим Средиземноморьем, то применение к нему этой схемы с самого начала вызывало возражения.

Наконец, третья группа советских историков, одним из наиболее ярких представителей которой был П. И. Кушнер, выдвинула в 20-х годах точку зрения, согласно которой феодализм может возникать двумя путями: «первичным», когда он складывается на основе разложения первобытнообщинного строя, и «вторичным», на основе разложения рабовладельческого строя. Эта концепция в 30-х годах была положена в основу объяснения причин возникновения феодализма в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы (В. И. Равдоникас, частично А. В. Арциховский). Решающую роль в объяснении особенностей классовообразования у восточного славянства В. И. Равдоникас отдавал влиянию сельской общины, обеспечившей утверждение феодальных форм эксплуатации ее членов «как путем захвата общинных земель выделившимися из самой же общины, но оторвавшимися от нее богатыми военизированными, потому сильными, людьми, превратившимися в феодалов, так и путем подчинения общины и обложения ее данью, превратившейся в ренту-налог»⁵. Более гибкая и потому легче сочетавшая общую схему стадий мирового исторического процесса с особенностями развития восточнославянского общества, эта точка зрения, однако, недостаточно учитывала уровень экономического развития древнерусской общины, отсутствие в ней тех условий, без которых она не могла породить рабовладения. «Не всякому раб приносит пользу,— писал Ф. Энгельс.— Чтобы быть в состоянии извлечь из него пользу, нужно располагать вещами двоякого рода: во-первых, орудиями и предметами труда и, во-вторых, средствами для скудного содержания раба. Следовательно, прежде чем рабство становится возможным, должна быть уже достигнута известная ступень в развитии производства и известная ступень нера-

³ См. выступления С. Н. Быковского, Н. М. Мартынова, С. Н. Чернова, В. В. Мавродина, И. И. Смирнова по докладу Б. Д. Грекова в кн. «Известия» Государственной Академии истории материальной культуры (далее — «Известия» ГАИМК), вып. 86, 1934, стр. 77—89.

⁴ Б. Д. Греков. Рабство и феодализм в древней Руси («Известия» ГАИМК, вып. 86, стр. 4, 40—66, 89, 142—144); его же. Избранные труды. Т. 2. М. 1959, стр. 27, 92; А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточной Римской империи. «Вестник древней истории» (далее — «ВДИ»), 1939, № 1, стр. 306; Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М. 1964, стр. 511—517.

⁵ В. И. Равдоникас. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных («Известия» ГАИМК, вып. 103, 1934, стр. 104); А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. «Проблемы истории доклассового общества» (далее — «ПИДО»), 1934, № 11—12, стр. 39—41.

венства в распределении. А для того, чтобы рабский труд стал господствующим способом производства целого общества, требуется еще гораздо более значительное повышение уровня производства, торговли и накопления богатств»⁶. Эта чрезвычайно важная методологическая посылка Ф. Энгельса послужила основой для дальнейшей разработки проблемы в конце 30-х годов С. В. Юшковым. Но недостаточная изученность конкретной истории Древней Руси, особенно истории ремесла и обмена, не позволила ему пойти в этом направлении дальше самых общих положений. «Краткий анализ экономических отношений в дофеодальный период Киевской Руси,— писал С. В. Юшков,— показывает нам, что того уровня, который был, по Энгельсу, необходим для возникновения рабовладельческой общественно-экономической формации, мы, конечно, не наблюдаем. Сельская община была далека от своего окончательного разложения. Ремесло только что стало отделяться от сельского хозяйства», так что рабство «не успело вырасти в развитую рабовладельческую общественно-экономическую формацию»⁷.

Появившиеся в 40-х годах работы, в первую очередь исследования Б. А. Рыбакова по истории древнерусского ремесла и обмена, опровергли утверждения С. В. Юшкова: уровень развития производительных сил восточного славянства в период его перехода к классовому обществу оказался несравненно выше того уровня, при котором совершался переход к рабству на Востоке и в античном мире⁸. На последнее обстоятельство обратил серьезное внимание Б. Д. Греков. Не отказываясь в целом от теории общественного синтеза, которой он придерживался ранее, Б. Д. Греков показал, что наряду с синтезом в сложении феодальных отношений у восточных славян весьма значительную роль сыграли внутренние факторы, в их числе — высокий уровень развития производительных сил, что в сочетании с крайне медленными темпами накопления прибавочного продукта превратило сельскую общину в «устойчивый институт социальной жизни» восточного славянства, исключавший «возможность широкого распространения эксплуатации людей, полностью лишенных средств производства». В этих условиях дальнейшее развитие общества могло совершаться «на основе такой формы эксплуатации населения, которая сохраняла бы элементы общинного строя и могла бы в целях производства как необходимого, так и прибавочного продукта использовать труд крестьянина-общинника, его инициативу, заинтересованность и вековые земледельческие навыки». С более высоким уровнем развития производительных сил связывают переход восточного славянства к феодализму Л. В. Черепнин, К. Н. Тарновский, В. Т. Пашуто и др.⁹

Большой вклад в изучение проблемы сложения раннеклассового общества в Древней Руси внес Б. А. Рыбаков, акцентировавший внимание на мысли К. Маркса о технической однотипности экономики рабовладельческого и феодального способов производства, рассматриваемых не обязательно как две последовательные, а чаще параллельные формы развития собственности, покоящейся на племенном строе¹⁰; что феодализм, таким образом, мог возникать и путем «распада первобытнообщинного строя, достигшего такого уровня развития производи-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 164.

⁷ С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М. 1939, стр. 25.

⁸ См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М. 1948.

⁹ Б. Д. Греков. Краткий очерк истории русского крестьянства. М. 1958, стр. 43, 44—45; см. также К. Н. Тарновский. Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян. «Вопросы истории», 1954, № 4, стр. 84; В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М. 1959, стр. 5—6, 249, 303; Л. В. Черепнин. Основные этапы развития феодализма в России. «Десятый Международный конгресс историков в Риме». М. 1956, стр. 151, 22, 24, 35.

¹⁰ См. К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М. 1940, стр. 26, 22, 24, 35; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 419.

тельных сил, при котором было возможно не общинное, а индивидуальное хозяйство, а также путем распада рабовладельческих отношений, зашедших в тупик вследствие низкой производительности рабского труда, физического вымирания рабов и постоянных восстаний угнетенных». Более широкая разработка проблемы сложения классового общества в обоих вариантах на материалах не только Восточной, но и Западной Европы осуществлена была несколько позже С. Д. Сказкиным и М. Н. Мейманом¹¹. Даже столь краткий историографический обзор показывает, что особенности классовобразования в восточнославянском обществе в нашей исторической литературе выяснены еще недостаточно. К сожалению, эта проблема не нашла своего решения и в ходе дискуссий, посвященных путям формирования раннеклассовых обществ. Один из наиболее многочисленных народов — восточное славянство — почему-то выпал из поля зрения участников дискуссии.

Идея сравнительного изучения образования классовых обществ в различных естественноисторических зонах Востока и Европы представляется более чем плодотворной. Азбучным условием ее применения является выяснение вопроса, *сравнимы ли исторические эпохи развития сравниваемых стран*¹². Помня об этом замечании В. И. Ленина, мы в своем анализе особенностей сложения раннеклассовых обществ в Древней Руси попытаемся идти не по линии сопоставления развитых форм рабства и крепостничества, на которых основывался ряд докапиталистических обществ вторичной формации, с тем, что представляли собой эти формы на Руси, а по линии сравнения той основы, которая связана с «дальнейшими ступенями развития собственности, покоящейся на племенном строе»¹³, то есть земледельческой общины.

Изучая экономическую структуру этой основы «*новейшего типа* архаической общественной формации», которая, будучи ее последней фазой, «является в то же время переходной фазой ко вторичной формации», классики марксизма-ленинизма подчеркивали, что земледельческая община таит в себе почти все черты последующих антагонистических форм. Именно это в ходе конкретно-исторического развития и создавало возможности перехода от земледельческой общины ко вторичной формации, которая охватывает «ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве»¹⁴. Давая характеристику «дальнейшим ступеням собственности, покоящейся на племенном строе», — рабству и крепостной зависимости, — К. Маркс и Ф. Энгельс не утверждали, что кристаллизация этих форм в доминирующие социально-экономические уклады должна пройти сначала через рабство, а затем уже трансформироваться в феодализм. Напротив, они показали, что зародыши этих форм одновременно возникают в рамках «*новейшего типа* архаической общественной формации» и какая из них победит в процессе дальнейшего развития, превратившись в доминирующую, зависит от экономического уровня, достигнутого общиной. Подобно геологическим эпохам, «*новейший тип* архаической общественной формации» проходит ряд этапов, «отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции»¹⁵, писал Маркс, выделяя три таких преобладающих фазы, или формы: 1) восточную, или азиатскую; 2) видоизмененную у славян; 3) античную

¹¹ «Очерки истории СССР. III—IX вв.». М. 1958, стр. 17—18; М. Н. Мейман, академик С. Д. Сказкин. К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства. «Вопросы истории», 1960, № 1, стр. 95—97.

¹² В. И. Ленин ПСС. Т. 25, стр. 268.

¹³ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 26.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 404, 419.

¹⁵ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 26, 32; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 404, 417.

и германскую, которые относятся к той же архаической формации, только «развиты до противоположности»¹⁶.

Наиболее ранний пример классообразования дает азиатская форма, утвердившаяся на первой ступени развития земледельческой общины при особенно благоприятных природных условиях, способствовавших образованию прибавочного продукта, несмотря на относительную экономическую и социальную неразвитость подобного общества. Везде, где раннеклассовое общество (типа азиатского) утверждалось на базе недоразложившихся форм коллективной собственности, ему предшествовал самый низкий уровень развития производительных сил, «самые грубые формы земледельческого труда»¹⁷. Деревянные мотыги, составленные из одного куска дерева с ответвлением, деревянные серпы со вставными кремневыми зубьями, абсолютное преобладание каменных орудий над металлическими — вот орудия труда¹⁸, с помощью которых проводились все виды оросительных, дренажных, обрабатывающих работ, обеспечивавшие тот уровень избыточного продукта, который был необходим для упрочения и дальнейшего развития тенденций классообразования. Неизжитые еще формы коллективного первобытного труда, незавершившееся отделение ремесла от земледелия, значительные элементы племенного строя (в том числе взимание прибавочного продукта в качестве дани), наконец, общественная собственность на средства и предметы труда, ирригационные сооружения и пути сообщения, персонифицированная в лице ее титульного распорядителя — «отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа, — бога»¹⁹, — все это способствовало застойности складывавшихся форм общественного устройства на Древнем Востоке и у других народов раннеклассовых государств, основой эксплуатации в которых, как отмечал К. Маркс, служит «насильственное господство одной части общества над другой. (Отсюда и прямое рабство, крепостничество или отношения политической зависимости)». При этой форме непосредственный производитель, будь он даже свободный общинник, «по сути дела, сам — собственность, раб того, в ком олицетворено единство общины, и поэтому рабство не подрывает здесь условий труда и не видоизменяет существо отношения»²⁰. Какое место при этом в отдельных хозяйствах в отдельные отрезки времени играли рабство или крепостничество, не столь существенно. Переплетаясь, они переходили друг в друга, сообщая и формам собственности и ее носителям, выступавшим то в роли феодальных собственников земли, то в роли рабовладельцев, неопределенный характер²¹. Это и дало основание К. Марксу определить подобную форму как «поголовное рабство».

На более совершенной и завершенной основе осуществлялся переход от первобытности к классовому обществу в странах античной культуры. В отличие от естественно-географических условий стран Востока земледельческая культура Греции и Рима допускала полную индивидуализацию труда, что способствовало утверждению земледельческой общины античного типа, где «отдельный человек стал *частным собственником* земли — особой парцеллы, — обособленная обработка которой предоставляется ему и его семье»²². Греческий эпос уже в раннюю пору становления классового общества дает веские свидетельства о существ-

¹⁶ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 32.

¹⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 73.

¹⁸ См. В. Савельев. Аграрный строй Египта в период Древнего царства. М. 1962, стр. 87—116; «Всемирная история». Т. I. М. 1955, стр. 160.

¹⁹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 7.

²⁰ Там же, стр. 26; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 26, ч. III, стр. 415.

²¹ См. А. И. Тюменев. Передний Восток и античность. «Вопросы истории», 1957, № 6, стр. 54—55; Л. С. Васильев. Аграрные отношения и община в древнем Китае. М. 1962, стр. 219.

²² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 9.

вовании не только частной собственности на землю, но и ее концентрации в руках вождей и басилевсов, свидетельства о процессе отделения общинной собственности — в качестве государственной собственности — от собственности частной. При переходе к классовому обществу античная форма общины оказывалась более других «извращенной и видоизмененной» элементами появившегося рабства и крепостничества. «Чем меньше собственность отдельного человека может быть фактически использована только коллективным трудом (т. е. таким образом, как, например, система орошения на Востоке), тем решительнее историческое движение», — писал об этом К. Маркс. Здесь переход был связан уже с более высоким уровнем развития производительных сил. «Концентрация в городе, территория которого включает в себя окружающую сельскую местность; мелкое сельское хозяйство, работающее на непосредственное потребление; промышленность (Manufactur) как домашнее побочное занятие женщин и девушек (прядение и ткачество) или как промышленность, обособившаяся только в отдельные самостоятельные отрасли производства», — так характеризовал К. Маркс производительные силы античного общества²³. Такого типа городу-общине требовались иного рода экономические связи между отдельными домохозяйствами, способные сочетать частную собственность на надел общинника и государственную собственность на «общественные земли». Поскольку хозяйственная устойчивость каждого отдельного домохозяйства в условиях негарантированного урожая была незначительной, то к середине VI в. до н. э. половина из них была заложена и перезаложена ростовщикам или по долговым обязательствам перешла в собственность последних. Пытаясь сохранить свою собственность на землю, тысячи домовладельцев вступали в кабальные сделки с ростовщиками, продавали или закладывали в рабство себя или членов своих семей. Параллельно с этим развивалась и принудительная эмиграция, принимавшая форму периодического основания колоний, представлявших не столько земледельческие поселения, сколько форпосты экспансии в менее развитые земли или торговые фактории²⁴, деятельность которых способствовала развитию обмена и ростовщичества, оказавшего решающее влияние на процессы, «извращающие и видоизменяющие первоначальные формы» греческой общины. Ростовщичество, как и торговля, повсюду влияет разлагающим образом на те организации производства, которые они застают. К. Маркс писал: «Но как далеко заходит это разложение старого способа производства, это зависит от его прочности и его внутреннего строя... В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же в зависимости от исходного пункта, оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости»²⁵. В этом весь «секрет» античного рабства, которое поэтому определяется как торговое, направленное на производство прибавочной стоимости, а сами античные народы относятся к односторонне определенным торговым нациям. Развитие производства осуществлялось здесь посредством «принудительного внешнего давления и конкуренции», одинаково распространявшихся как на собственников эргастерий и латифундий, где трудились рабы, так и на свободных крестьян и ремесленников. В сложившихся обстоятельствах труд рабов с неизбежностью должен был вытеснить труд кабально зависимых производителей в силу

²³ Там же, стр. 8—10; см. также А. И. Тюменев. История античных рабовладельческих обществ. М.-Л. 1935, стр. 25.

²⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 567—568.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. 1, стр. 364—365; ч. II, стр. 143, 145—146; т. 12, стр. 729.

тех же причин, при которых машины вытесняют мануфактуру²⁶. И действительно, труд рабов быстро распространился на все отрасли производства, исключая те его виды, которые требовали особенного искусства и дарования.

Процесс «извращения и видоизменения первоначальной формы» римской общины происходил в аналогичных условиях, однако «вторая форма {собственности}, ...так же, как и первая, породила существенные разновидности местные, исторические и т. п.»²⁷. В начале классовообразования история застаёт древних римлян на стадии перехода от бронзы к железу. Крупное землевладение начинает только развиваться. Наряду с землевладением римской знати, где, помимо рабов, большую роль играл труд сидевших на земле и первоначально всецело зависимых от знати клиентов, разорившихся крестьян и кабальных батраков, долгое время существовало мелкое крестьянское землевладение, составлявшее основу полисного строя²⁸. Особенностью дальнейшего разложения античной формы собственности в Древнем Риме и его превращения в страну классического рабовладения явилось совпадение этого процесса с превращением Рима в господствующую державу Средиземноморского бассейна. Неэквивалентную торговлю греков древние римляне заменили грабежом и прямым расхищением производительных сил соседних с ними и отставших в своем развитии народов. Приток огромной массы военнопленных и материальных ценностей, вывезенных из покоренных стран после пунических, македонских и сирийских войн, послужил мощным катализатором разложения полисного строя. Широкое внедрение рабского (часто квалифицированного) труда в экономику Древнего Рима привело к почти полному вытеснению различных видов свободного и полусвободного труда, концентрации земли в руках знати и собственников крупных капиталов, к пауперизации крестьянства. Специализированная вилла с 10—20 прикрепленными к ней рабами, использующая труд, основанный на простой кооперации и, следовательно, более экономном распределении рабочих рук, вытесняет в короткое время другие типы хозяйств — будь то крестьянские наделы или крупные землевладельческие комплексы, раздробленные между мелкими держателями. Сохранившиеся формы прежних социальных отношений — первобытнообщинных и крепостнических — оказались полностью подчиненными господствующему рабовладельческому укладу²⁹.

Иной характер классовообразования прослеживается у народов Западной Европы и восточных славян³⁰. Здесь отсутствовали столь благоприятные условия, как у народов в странах аллювиальных культур. Получение достаточной нормы прибавочного продукта, являющегося, по К. Марксу, основным катализатором всех первичных вариантов классовообразования, могло быть достигнуто лишь через развитие естественного плодородия почвы, требовавшего от человека применения более совершенных орудий труда и методов обработки. Переход восточного славянства от патриархальных форм рабства и крепостничества к классовому обществу, означенный акад. Б. А. Рыбаковым условно гранью VIII—IX вв.³¹, отмечен серьезными успехами во всех важнейших отрас-

²⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 276.

²⁷ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 24, 7—8.

²⁸ См. Е. М. Штаерман. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М. 1964, стр. 67—78.

²⁹ Там же, стр. 82—87.

³⁰ Наличие фундаментальных исследований по истории сложения раннеклассовых обществ в Северной и Центральной Европе (А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства, как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М. 1956; А. Я. Гуревич. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М. 1967, и др.) позволяет не останавливаться на этих вопросах подробно.

³¹ «История СССР с древнейших времен до наших дней». Т. 1. М. 1966, стр. 477.

лях хозяйства — земледелии, животноводстве и металлургии. Развитие последней шло в полном соответствии с задачами основных отраслей земледельческого труда, выражаясь в широком внедрении новой технологии производства железа (появление сыродутных горнов), в совершенствовании и более полном освоении сварки, пайки и термической обработки металла. Переоснащение деревни более совершенными орудиями труда — отвальным плугом на юге и асимметричной сохой на севере, новыми, близкими к максимальному использованию рабочей части инструмента формами кос, серпов, сошников, топоров — намного увеличивало производительную силу труда и способствовало разрешению задач вековой борьбы с сорняками³².

О высоком уровне накопления общественного и индивидуального богатства у восточных славян уже применительно к V—VI вв. одинаково свидетельствуют и раннесредневековые авторы и материалы археологических раскопок³³. Однако в распределении избыточного продукта здесь имелись существенные особенности, определявшиеся прежде всего тем, что у славян (как и у германцев) процесс классового образования протекал на менее завершённой форме разложения первобытной коллективной собственности, чем у древних греков. Это была видоизменённая «азиатская» форма, недоразвившаяся в отличие от древнегреческой и римской до частной собственности на землю. Естественно-географические условия Русской равнины, как и большей части тогдашней Европы, позволяли селиться не компактными массами, а маленькими группами из двух-трех семей, отделёнными друг от друга непроходимыми дебрями девственных лесов (что объяснялось не только необходимостью иметь естественную защиту от своих соседей, но прежде всего хозяйственно-бытовыми условиями). Земледельческий труд на территории Восточной Европы с её более скудной по плодородию почвой, меньшим количеством ежегодного выпадающих осадков и более коротким вегетационным периодом развития растений не мог не дополняться животноводством и широким развитием промыслов, ещё не выделившихся, однако, в самостоятельные отрасли хозяйства. При расселении славян все это непременно требовало учёта естественно-географических возможностей: наличия рек или озёр, заливных лугов под выпас скота и сухих косягов под жилища и пашни. Таким требованиям полностью удовлетворяли приречные долины, что и определило ведущий тип приречной планировки поселений, состоявших из одного-двух дворов. Среди лесов и болот, писал В. О. Ключевский, поселенец «с трудом отыскивал сухое место, на котором можно было выстроить избу. Такие места, открытые пригорки, являлись редкими островками среди моря лесов и болот. На таком островке можно было поставить один, два, от силы три крестьянских двора. Вот почему деревня в один-два крестьянских двора является господствующей формой расселения в северной России чуть ли не до конца XVIII в.»³⁴.

Подобный хозяйственный тип как на западе, так и у восточных славян создавал из каждого изолированного жилища самостоятельный центр производства. Вплоть до позднего средневековья каждое такое хо-

³² См. Б. А. Колчин. Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси. Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА), № 32, стр. 11 и сл.; В. И. Довженок. Об уровне земледелия в Киевской Руси. «История СССР», 1960, № 5.

³³ Иоанн Эфесский. Церковная история. «ВДИ», 1941, № 1, стр. 252; Феофилакт Симокатта. История. Там же, стр. 260; М. Ю. Брайчевский. Об антах Псевдомаврикия. «Советская археология» (далее — «СА»), 1953, № 2; его же. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тыс. н. э. «СА», 1957, № 3.

³⁴ А. Е. Воейков. Людность селений Европейской России и Западной Сибири. «Известия» Русского географического общества, 1909, т. 45, вып. 1—3; В. О. Ключевский. Соч. Т. I. М. 1956, стр. 309; «Очерки по истории русской деревни. IX—XIII вв.». М. 1956, стр. 12—18.

зайство, состоящее по преимуществу из родственников, самостоятельно пахало зябь, убирало поле, вылавливало рыбу, занималось отхожими промыслами, растило скот, рубило своими силами избу, ладило плуг и борону, ткало холсты и дубило овчины, приготавливало деревянную мебель и утварь³⁵. Аналогичные явления К. Маркс отмечал в жизни германских общин, где «по существу дела экономическим целым является каждый отдельный дом, который сам по себе, взятый отдельно, образует самостоятельный центр производства (промышленность только как побочная домашняя работа женщин и т. д.)». Община же, «рассматриваемая даже чисто внешне, существует в каждом отдельном случае лишь в форме схода членов общины, несмотря на то, что их *само по себе существующее* единство дано в их происхождении, языке, общем прошлом и общей истории и т. д. *Община* выступает, следовательно, как *объединение*, не как *союз*, как единение, самостоятельные субъекты которого являются собственниками земли, не как единство»³⁶. Вся жизнь отдельных семей на протяжении целых поколений протекала на территории этих «отчин» и «дедин», считавшихся неотъемлемой собственностью большой семьи. Разделы таких «дедин» и «отчин» в частную собственность отдельных членов семей неизвестны славянской древности так же, как и раннефеодальному миру Западной Европы³⁷. Даже в период развитого феодализма практика отчуждения отчинного землевладения в форме купли-продажи скрывалась различными условностями, делавшими ее трудноразрешимой³⁸. Это была менее противоречивая, более устойчивая форма социальных отношений, чем на Востоке. Поступательное развитие их в отношении феодальные сказывалось прежде всего на эволюции города, деревня же, разрастаясь, оставалась почти на прежнем уровне, являясь воплощением той рутинности, о которой писал В. И. Ленин. И не случайно все основные виды земледельческих орудий труда, по своей форме восходящие к X в., дожили почти до наших дней³⁹.

Разрушить такую самовоспроизводящуюся замкнутую социальную структуру, какую представляла собой соседская община славянского (германского) типа, было не под силу ни складывавшимся в городах торгово-ростовщическим элементам, ни усилившемуся с образованием Древнерусского государства использованию труда военнопленной челяди. Система патриархального рабства, направленная «на производство непосредственных средств существования»⁴⁰, не могла изменить существо отношений. Предположение о том, что сельская община славянского типа претерпевала внутреннее разложение в результате обнищания, войн, грабежей, подчиняясь власти феодалов, экспроприировавших землю, составлявшую собственность общины, отражает несущественную для раннего этапа, более позднюю тенденцию процесса феодализации. Предпосылкой феодального подчинения устойчивых задруг, или вервей, являлась не экспроприация непосредственных производителей, а их подчинение власти государственного «связующего единства» с последующим прикреплением к земле. Такое, всегда насильственное, подчинение совершалось, как мы попытаемся показать ниже, различными способами. Универсальным же для всех докапиталистических классовых обществ было то,

³⁵ См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 182.

³⁶ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 14—15.

³⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 417; А. Я. Гуревич. Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы. «Вопросы истории», 1968, № 4, стр. 92—95.

³⁸ См. С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб. 1897; С. В. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.-Л. 1947.

³⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 185; Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 206—207.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, ч. I, стр. 364—365.

что подчинение человека осуществлялось вместе с землей, ибо человек рассматривался как ее органическая принадлежность: именно в этом К. Маркс видел один из основных источников возникновения и рабства и крепостной зависимости⁴¹. Истоки насильственного подчинения общин или больших семей власти «связующего единства» уходят своими корнями к племенному строю: уже тогда были принудительные органы для изъятия определенной нормы прибавочного труда в виде дани или коллективных работ, необходимых для осуществления общественно полезных функций. Наличие такого института в славянских общинах не раз подчеркивалось К. Марксом и Ф. Энгельсом, причем Маркс прямо замечал, что в этой форме «заложен переход к барщине»⁴².

Своего апогея насильственное подчинение личности достигает с отрывом «связующего единства» от народа, с подчинением последнего контролю публичной власти, превращающейся в государство. У восточных славян этот процесс особенно усилился и ускорился в 80-х годах IX в., когда в течение одного десятилетия номинальному носителю этого единства — киевскому князю Олегу удалось не только подчинить своей власти (термин, под которым в древности выступают многие формы собственности) соседние общины восточных славян, но и «примучить» их к несению повинностей в виде дани или коллективных видов труда. О широком распространении этих форм принуждения среди восточного славянства с одинаковой убедительностью свидетельствуют как русские, так и иностранные источники⁴³. Такую форму получения прибавочного продукта и различных коллективных видов труда, которая сложилась к концу IX в., Б. Д. Греков квалифицировал как находящуюся на уровне феодальной повинности. Мы считаем эту точку зрения вполне обоснованной, подтверждающейся источниками, зафиксировавшими превращение ряда присоединенных территорий в собственность дома Рюриковичей. С нашей точки зрения, из того, что дань взималась лишь в среде «примученного» населения соседних общностей, а не на территории «Русской земли», нельзя делать вывод о ее контрибуционном характере, поскольку «примучивание» в феодальную эпоху сплошь и рядом играло роль основного орудия, с помощью которого происходила реализация прибавочного труда в пользу коллективного или частного земельного собственника⁴⁴. Племенной строй уже сам ведет к делению на высшие и низшие роды — различие, еще сильнее развивающееся в эпоху варварства, особенно в связи с насильственным подчинением одних племен другими.

Наряду с «окняжением» и отчуждением в пользу образующегося таким путем «связующего единства» коллективных видов труда и прибавочного продукта (дани, почестья, погородья, полюдья и пр.), важнейшую роль в процессе утверждения феодальных отношений играла сама организация княжеской власти. Усиливающееся сопротивление свободных общинников произвольным поборам вело к количественному росту административно-хозяйственного и дружинного окружения князя, которому теперь не хватало ни богатых кормов, ни завышенных поборов от искусственно создаваемых («творимых») вир и продаж, ни рано пущенного в раздачу скудного фонда для кормления князя в центральных областях Руси⁴⁵. Опираясь на хорошо вооруженные дружины, это окру-

⁴¹ См. К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 24.

⁴² Там же, стр. 7.

⁴³ См., например, обзор: О. М. Рапов. К вопросу о земельной ренте в древней Руси в домонгольский период. «Вестник» МГУ, серия IX, 1968, № 1.

⁴⁴ См. И. Я. Фроянов. Крестьяне-данники на Руси X—XII вв. «Тезисы докладов и сообщений VIII Московской сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы», М., 1965, стр. 12—13; А. Я. Гуревич. Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы, стр. 99—101.

⁴⁵ См. В. И. Сергеевич. Древности русского права. Т. III. СПб. 1911, стр. 20—22.

жение в лице «огнищан», «милостников», «мечников» и прочих «княжих мужей» отнимало у свободного населения лучшие уголья, «бортные ухажаи», «рыбные тони», «бобровые гоны», «звериные ловища», «пашни» и «косовища» и основывало там свои промысловые поселки рыболовов, бортников, бобровников или пашенные села, где возделывались богатые княжеские нивы и паслись табуны лошадей. Вторжение княжеского административного персонала во владения общин не могло не вызвать упорного сопротивления со стороны последних. Уничтожение «знаменных знаков» на вновь объявленных объектах княжеской собственности, порча «пакошами» княжеской скотины, «умучивание» зарвавшихся «тиунов», «княжих мужей», «мечников», «огнищан» и даже «смердов» — постоянной рабочей силы в княжеской вотчине — таковы (наряду с восстаниями) формы сопротивления общинников. И если им не удавалось отводить «след» правонарушений от своей общины, отбиться от назойливых «недельщиков» или «емцев», то они укрывали «головников» в своей верви, соглашаясь на выплату невероятно тяжелой по тому времени «дикой виры»⁴⁶.

В сложном вопросе, связанном с организацией княжеского землевладения, неясно одно: какая группа населения обязана была вести хозяйство на таких окняженных землях? Древнерусские памятники и в особенности «Правда» Ярославичей, более других содержащая специальные постановления о такой вотчине, наряду с административно-хозяйственным персоналом и ремесленниками (без которых не могло обойтись ни одно типичное для того времени замкнутое хозяйство) особенно выделяет смердов, представляя их как основную рабочую силу вотчинного землевладения князя и его окружения. Связь смерда с княжеским и дружинным землевладением непосредственно выступает и в летописных памятниках, особенно в материалах Долобского съезда, обстоятельно рассмотренных в свое время Б. А. Романовым. Хотя проблема смердов до сих пор остается спорной в нашей историографии⁴⁷, нам кажется, что в этом термине трудно увидеть другое значение, чем принадлежность к княжескому землевладению. В древнерусских источниках смерды выступают или в качестве определенных общностей (возможно, этнических), оплачивавших в установленные промежутки времени данями общественно полезные функции княжеской власти, или как отдельные группы населения, по разным причинам попавшие извне на территорию княжеской вотчины. Такое явление, как подчинение одних этнических общностей другим, возникло еще при племенном строе; оно получило широкое распространение в раннефеодальный период, когда война и насилие сделали неотъемлемой чертой развивающихся обществ. Подчиненным данником, обязанным постоянными выплатами новгородцам, выступала Югра, относившая себя к смердам Новгорода Великого. В том же смысле назывались в более поздних памятниках смерды Псковской земли. При этом князья ограничивали в распоряжении таким важнейшим источником труда рамками необходимого для покрытия расходов на осуществление общественно полезных функций института княжеской власти. Так, новгородская знать принимала все меры к тому, чтобы смерды не оказались в личной зависимости от того или другого князя. Условие «закладников, ти, княже, не принимати, ни смерда, ни купчины» являлось трафаретным для всех договоров новгородцев со своими князьями. Последние нередко изгонялись, если недостаточно «блюли смердов»⁴⁸.

⁴⁶ См. «Русская Правда». М. 1940, ст. 1—25, 67—84.

⁴⁷ См. Б. А. Романов. Смердий конь и смерд. «Известия» Отделения русского языка и словесности АН СССР. Т. III, кн. 3. СПб. 1908, стр. 32; «История СССР с древнейших времен». Т. I, стр. 535; А. А. Зимин. О смердах древней Руси XI—начала XII вв. «Историко-археологический сборник». М. 1962, стр. 222—227.

⁴⁸ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.-Л. 1950,

В центральных районах Руси, где наряду с общефамильным фондом для кормления, рано присвоенным в личную собственность, уже со времен Ольги существовала практика организации князьями своих личных сел, традиционным способом обеспечения их рабочими руками был насильственный своз в эти села населения из покоренных земель. В этом русские князья не были первооткрывателями. Ассирийские цари, завоевав какую-нибудь землю, целыми семьями вывозили ее население в Ассирию, расселяя их разрозненными группами. Причем пленных угоняли не нагими и в шейных колодках, как это характерно было для Египта, а вместе с домашним скарбом и скотиной. На новом месте им предоставлялась известная доля самостоятельности, земля и даже некоторое имущество. Продавали их обычно вместе с землей, если в такой продаже была необходимость. В случае, если у подобного зависимого лица был наследник по мужской линии, он наследовал хозяйство отца вместе с землей после его смерти. Тот же обычай существовал и у германцев, использовавших своих пленных в качестве домашней прислуги или работников, посаженных на землю и ведущих самостоятельное хозяйство. Такая организация земледелия при помощи других этнических общностей, насильственно посаженных на свои земли, была «обычным способом производства, так же как и изолированная жизнь в деревне» не только у германских варваров, но и у народов с более примитивными общественными формами — ацтеков, даяков, ботокудов и пр.⁴⁹

Немало сообщений о подобных формах использования пленных содержится в древнерусских памятниках. Если не считать незначительной части дюжих колодников-вязней, попадавших в отряды телохранителей восточных владык, или пленных красавиц, пополнявших их гаремы, то подавляющая часть периодически захватываемого «полона бес числа» разделялась между победителями и оседала при богатых дворах или в вотчинах военизированной знати. Наиболее древнее подтверждение этого явления в наших летописях относится ко времени правления Ольги. Сломив в 946 г. сопротивление древлян, киевские дружины «взя град и пожже и; старейшины же града изънима, и прочая люди овых изби, а другия работе предасть мужем своим, а прочих остави платити дань». Последующие сообщения обрастают новыми подробностями, часто указывая районы локализации полона. В 1031 г. Ярослав и Мстислав «собраста вои мног, идоста на ляхи, и заяста грады червеньския опять, и повоеваста Лядскую землю, и многы ляхи приведоста, и разделивша я». Ярослав усадил своих по Роси, где они сидели и спустя 70 лет⁵⁰. Интересно, что на это же время падает отмеченное летописями строительство Ярославом оборонительных сооружений по Роси и другим притокам Днепра.

Такие пленники обеспечивались имуществом из княжеских запасов, земельным участком — позднейшей «пустошью», окняженной мужами князя, и получали определенную долю самостоятельности, позволявшую смердам накапливать имущество на новом месте. На то, что смерд имел право владения имуществом, указывает уже «Правда» Ярославичей, однако это владение настолько нечетко было ограничено от княжеского, что трудно установить, что составляло собственность смерда, а что находилось в его пользовании. Это служило основой претензий, предъявлявшихся к имуществу смерда после его смерти не столько со стороны самого князя, сколько от имени лиц из его аппарата — тиунов, старост

стр. 24, 40—41, 209, 232; «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.-Л. 1949, №№ 1—5.

⁴⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12, стр. 724; Г. Кунов. Всеобщая история хозяйства. Т. I. М.-Л. 1929, стр. 238—244, 401—411; «Всемирная история». Т. I, стр. 541—542.

⁵⁰ См. И. М. Кулишер. История экономического быта Западной Европы. М.-Л. 1926, стр. 77—78; «Повесть временных лет». Ч. I. М. 1950, стр. 43, 101.

и огнищан, статьи о которых в «Русской Правде» были слиты в одни установления со смердами⁵¹. Внимательный анализ этих установлений показывает, что положение смерда определялось не отношением подданного к титульному представителю «связующего единства», а зависимостью, вытекающей из права собственности этого представителя на личность смерда и его имущество. С положением раба его сближал и источник происхождения — плен, но прибавочный труд смерда власти получали посредством наделения его землей, орудиями производства и долей некоторой самостоятельности, что необходимо сообщало отношениям феодальный характер.

Немало «полона» оседало в вотчинах военизированной знати, не входившей в княжеское окружение. Чаще всего эта часть «полона» работала в поле под присмотром холопа-«приставника» или жены господина⁵². Если согласиться с мнением большинства историков, что такая вотчина на заре классообразования была незначительной по размерам и обрабатывалась трудом семьи ее владельца и входящих в нее «в качестве составной части семьи» патриархально зависимых рабов, труд которых, как и труд семьи, был направлен «на производство непосредственных жизненных средств», то феодальной можно признать лишь тенденцию ее исторического развития.

Челядь «Краткой Правды» и синхронных с ней международных договоров — не лицо и даже не «полон», а специальное, особо ценное имущество, в отношении которого обладают полным правом владения и для собственника которого сделано исключение при пропаже искать ее «до третьего свода». Договоры X—XI вв. отмечают право восстановления такого специального имущества. Летописные памятники показывают нам рабов и челядь на поле господина, где они «работают сварящиеся и шегаяще и клянуща друг друга, многожды же и биемы суть от приставник», или в работе на дому господина под присмотром «величавой жены», за которую денно и нощно просят бога, чтобы ей «спесивой сухотою болеть». Эти сообщения расходятся с идиллической картиной рабства у восточных славян, нарисованной Мавриkiem Стратегом, вероятно, скорее для психологического воздействия на византийских солдат, опасающихся славянского плена, чем для научно-познавательных целей. По сообщениям Прокопия Кесарийского и более поздним известиям восточных авторов, идиллическое отношение к пленным было, скорее, редким случаем, чем правилом. Другим в эпоху варварства оно не могло и быть⁵³.

Выделение привилегированного землевладения в рамках земледельческой общины у всех народов прошло через стадию использования труда патриархально зависимых рабов⁵⁴, являвшихся первым социально-неравноправным элементом в такой общине. Эту хронологически первую форму социального деления общества не раз подчеркивали классики марксизма-ленинизма⁵⁵. Восточное славянство в этом отношении не составляло исключения. Уже византийские авторы и западноевропейские хронисты середины предшествующего тысячелетия засвидетельствовали выделение родовитой славянской знати, владевшей табунами коней, золотом и серебром, рабами и землей.

Подробности того этапа классообразования, когда усилился процесс внутреннего расслоения восточнославянской общины, почти не получили отражения в памятниках XI—XII веков. Но античные авторы,

⁵¹ См. «Русская Правда», Ак., ст. 28, 33; Тр., ст. 71, 85, 90.

⁵² См. «Патерик Киево-Печерского монастыря». СПб. 1911, стр. 40; «Закон Судный людем». Краткая редакция. М. 1961, стр. 21, 38.

⁵³ «Патерик Киево-Печерского монастыря», стр. 40, 161; «Памятники древнерусской литературы». Вып. 3. Л. 1922, стр. 47; «Стратегикон», «ВДИ», 1941, № 1 (14), стр. 252—253; Прокопий из Кесарии. Война с готами. М. 1950, стр. 366.

⁵⁴ См. А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 14, 19, 33, 55, 387—389.

⁵⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 68, 71.

сообщая о сходстве между собой славянских племен «по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе», подчеркивали, что «их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране»⁵⁶. Такое явление характерно для начала классообразования у самых различных народов. Интересную параллель тому дают примеры еврейского законодательства, ограничивавшие пребывание еврея в рабской зависимости строгими временными рамками. «Если купишь раба еврея,—говорится в законах Моисея,—пусть он работает (так) шесть лет; а в седьмой (год) пусть выйдет на волю даром». В рабском состоянии более этого срока разрешалось его держать лишь после утверждения соответствующими нормами его заявления о нежелании выйти на волю. У восточных славян этот срок был еще меньше, о чем красноречиво говорит колоритный эпизод с Лжехильбудием, не раз привлекавший внимание историков⁵⁷. Преемниками социальной категории временно поработавших соплеменников являлись, по всей вероятности, холопы раннефеодального кодекса русов. Статьи «Краткой Правды», где дается наиболее древнее определение юридического статуса холопа, отграничивают его от других категорий зависимого населения — рабов и челяди, ставя ближе к тем свободным, которые названы неопределенным термином «аще кто». Первый пример подобного социального деления славянского общества «Краткая Правда» зафиксировала в 17-й статье «Или холоп ударит свобода мужа», в которой еще дореволюционные исследователи не без основания находили свидетельство начального этапа социального расслоения славян. Не смешивали холопа с другими категориями зависимого населения — рабами и челядью — и последующие установления. «Пространная Правда», отразив дифференциацию холопства на временное (с правом выйти из этого состояния) и обельное (без права порвать установившиеся между холопом и хозяином отношения), в статьях об источниках обельного холопства на первом месте выделяет «ряд» — официально утвержденное заявление холопа о нежелании выйти на волю⁵⁸. Несколько отличной от других зависимых лиц представляется, по древнейшим источникам, и роль холопа в хозяйственной жизни. Он или «приставник» к рабам-страдникам, или заносчивый слуга владельца богатых хорм, готовый в случае столкновения со свободным пустить в ход силу, чего не могли себе позволить ни челядин, ни раб.

Патриархальное рабство, сыграв известную роль в процессе социального выделения привилегированных форм вотчинного землевладения, имело и отрицательные последствия. Такая вотчина была лишена жизнеспособности не только потому, что ограничивалась целями производства непосредственных жизненных средств, но и потому, что труд рабов был не в состоянии освоить в полной мере богатые возможности природы. Этому не могли помочь ни массовый приток челяди на рынки Руси, ни широкое развитие торгово-ростовщических операций. Поэтому труд рабов постепенно вытеснялся трудом кабально-зависимых производителей — закупов, наймитов, вдачей, изгоев и пр. Лишь в результате такого социального обновления вотчина получила стимул к дальнейшему развитию, но это уже были явления нового этапа классообразования, связанные с формированием феодального строя. Длинный ряд терминов — «холоп обельный», «холоп», «закуп», «наймит», «вдач», «изгой» — отражает последовательные стадии социального разложения малообеспеченного слоя «худьших» общинников от свободного состояния к рабству и одновременно разные ступени их личной и имущественной зависимости от господ — разбогатевшего, «добророго» слоя общинников, родо-

⁵⁶ См. Иоанн Эфесский. Указ. соч., стр. 252; Феофилакт Симокатта. Указ. соч., стр. 260; «Стратегикон», стр. 252.

⁵⁷ «Библия». Исход, гл. 21, §§ 2—6; Прокопий из Кесарии. Война с готами, стр. 296.

⁵⁸ «Русская Правда». Ак., ст. 17; Тр., ст. 110.

вой аристократии или монастырей. Зависимые, смешиваясь в вотчине, в разной степени подлежали юрисдикции господина, но никто из них не был гарантирован от произвольных форм обращения. Даже высшая их прослойка (закупы) могла подвергаться суровым наказаниям. Хозяин мог обратить закупа в обельного по разным причинам — за прокорм во время голода, за не в срок выплаченный долг, мог заложить «в куны» самого закупа, «уверездать» его «купу» и «отарицу». Предел дальнейшему развитию этой тенденции усиления личной зависимости положил мощный взрыв сопротивления, вынудивший правительство Момнаха законодательными мерами нормировать отношения полузависимых элементов с господами.

Основоположники марксизма-ленинизма, изучая экономическую структуру «*новейшего типа* архаической общественной формации» — земледельческой общины, находили в ней в зародыше как черты в *вторичной* формации — рабства и крепостничества, так и более поздних общественных образований. «Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, — писал К. Маркс, — является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»⁵⁹. Выделяя рабство как хронологически первую форму эксплуатации, они в то же время допускали возможность перехода общества от патриархальных, первобытных форм рабства к крепостничеству. Давая характеристику «дальнейшим ступеням собственности, покоящейся на племенном строе», К. Маркс подчеркивал, что влияние их на земледельческую общину и процесс ее внутренних изменений зависит от целого ряда факторов, среди которых на первое место выступают экономические условия, не являющиеся, однако, единственными. Сложное взаимодействие всего комплекса этих условий и последующих исторических событий создавало возможность перехода к классовому обществу при различных фазах развития земледельческой общины. Наиболее ранний пример представляла община восточного типа, или азиатского типа; основой эксплуатации служило здесь «насильственное господство одной части общества над другой»⁶⁰. На более зрелой стадии развития земледельческой общины шло «извращение» форм первобытности у античных народов, дошедших до частной собственности жителей города-полиса на свою землю.

Иной характер классовобразования прослеживается у германских и славянских народов, достигших более высокого уровня в «присвоении плодов земли трудом», чем их восточные и античные предшественники, но не дошедших до раздела земли между индивидуальными членами общины⁶¹. Первобытное патриархальное рабовладение и здесь играло едва ли не определяющую роль в процессе выделения привилегированных элементов из общин, но сфера его распространения была ограниченной и не захватила ключевых пунктов экономики. На Руси в хозяйстве высшей прослойки рано определилось преобладание феодальных и раннефеодальных форм получения прибавочного продукта от свободных общинников и других зависимых лиц. Превращение феодального уклада в доминирующий здесь можно констатировать уже с образованием Киевской Руси.

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 404, 419.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 404; т. 26, ч. III, стр. 415; К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 5, 18, 24, 26.

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 417.